

Еськов, М. Н. Петька вернулся : рассказ / Михаил Еськов ; [автор вступл.] Евгений Носов // Подъем. - 1974. - № 4. - С. 46-59.

Если не считать двух-трех набросков, то рассказ «Петька вернулся!» для Михаила Еськова — по существу первая законченная художественная работа. Всегда интеллигентно молчаливый, после чего чепуховен уже не в силах молчать и берется за перо. Разумеется, речь здесь идет не о литературном зуде, а о том состоянии, о котором не писать просто невозможно. За годы не писать Еськова немалый жизненный опыт, несколько лет работы в отдаленной сельской больнице еще тогда могли бы снабдить его обильным материалом. Но он все молчал, все не брался за перо, пока не встретил вот этого Петьку — маленького человека с огромной каждой жизни, пока не был потрясен и возмущен той вопиющей беспечностью, которая привела к Петькиному сиротству еще при живом отце. Может быть, оттого появился этот рассказ, вызывающий к человеческому сочувствию и состраданию, что встреча с Петькой отзывалась в Еськове воспоминанием о собственном крутом и жестоком детстве, в котором повинна была война. Именно непоправимой потерей рождены эти горькие строки в рассказе: «Какой бы благодатью ни окружала жизнь того, кто вырос без отца, — и в старости он чувствует себя недостроенным. Там, где-то в детстве, не хватило камня на самое основание жизни, и в душе остался обидно пустым, нежилым значительный участок...»

Парадоксально то, что у Петьки — сразу два отца и оба — целехонки и неарестанты. И потому так гневно звучит в подтексте заголовок: «Петька вернулся!»
А мы от себя скажем с добрым чувством: «К нам пришел еще один хороший писатель!»

Евгений НОСОВ.

Михаил Еськов

ПЕТЬКА ВЕРНУЛСЯ!

Рассказ
1

Еще утром Петька догадался, что у него начинается «уремия» — почки отказываются работать. Побаливала голова, неинтересно было играть с ребятами, тянуло на койку. А когда заметил, как, сдерживая себя, вздыхала на обходе Иннаванна, совсем сник: опять умирать! Петьке четыре с половиной года. Если б дано было ему помнить свою жизнь с самого рождения, то он бы увидел себя в «Детской комнате» роддома. Лежал он тогда на высокой с белыми бортиками кроватке. Таких неразличимых, стандартных кроваток здесь было много. Его, как и других, одинаково пеленали, бесцеремонно перекидывая с боку на бок. Как и все остальные, он имел номерок, но на его номерке после фамилии матери не значилось ни ее имени, ни палаты, где она должна была лежать. Каждый раз перед кормлением, когда комната

